
К. М. ПИСЦОВ

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДВОРЦОВОЙ СЛУЖАНКИ ФЭЙ» ЛУ ЦИЮНЯ – ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Статья представляет первый в отечественной литературе анализ рассказа знаменитого писателя XVII в. Лу Циюня «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй». Содержание рассказа сопоставлено со свидетельствами исторических источников. Проанализированы особенности авторского стиля Лу Циюня, рассмотрены причины популярности его произведения. В Приложении 1 приведен перевод произведения.

Ключевые слова: Лу Циюнь, Фэй гунжэнь, «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй», гибель империи Мин, китайская литература начала эпохи Цин.

Биография Лу Циюня отражена в источниках без достаточной полноты. Мы знаем, что Лу Циюнь (второе имя Юньши, прозвище Бэйшу) родился в уезде Цяньтан в провинции Чжэцзян, однако годы рождения и смерти писателя точно не известны, и время его жизни приблизительно датируется периодом Кан-си (1662–1723)¹. Основываясь на косвенных данных, можно предположить, что Лу Циюнь родился как минимум несколькими годами ранее. Вероятно, не слишком значительный хронологический промежуток отделял рождение автора от 1644 г., когда завершилось царствование национальной китайской династии Мин, павшей под ударами масштабной крестьянской войны и маньчжурского нашествия, и трон заняла маньчжурская династия, объявившая об основании новой империи Цин. Лу Циюнь выдвинулся из числа гуншэнов (студентов, рекомендованных императорскому двору для поступления в государственную академию, участия в экзаменах или назначения на невысокие административные должности) и после соответствующего испытания начал карьеру в должности младшего помощника начальника округа. В 1679 г. Лу Циюнь получил приглашение участвовать в особых экзаменах «босюэ хунцы» («крупные ученые

¹ См.: <https://zh.wikipedia.org/wiki/陸次雲>.

с обширной эрудицией»), которые проводились цинским двором с целью отобрать составителей официальной «Истории [династии] Мин». Составление воцарившейся династией официального исторического сочинения, посвященного царствованию предшественницы, рассматривалось как дело государственной важности. Подобное приглашение свидетельствует об определенной литературной известности Лу Циюня, поскольку цинские власти, санкционировавшие составление истории предшествующей династии, в этот период стремились привлечь к сотрудничеству «наиболее видных представителей феодальной интеллигенции» (Доронин 2002: 89)². Впрочем, Лу не выдержал экзамена и не вошел в состав историографического комитета. В дальнейшем Лу Циюнь занимал должности начальника уезда Цзясянь (ныне провинция Хэнань) и начальника уезда Цзяньян (в провинции Цзянсу), на которых проявил себя способным администратором.

Литературное наследие Лу Циюня довольно обширно и составляет более 28 *цзюаней* стихотворных и прозаических сочинений. Заметное место в творчестве писателя занимает тема гибели династии Мин. Можно с осторожностью предположить, что причиной этого стали несбывшиеся надежды принять участие в работе над составлением официальной истории «Мин ши». Хотя происшедшие лишь несколько десятилетий назад драматические события и сами по себе могли привлечь (и привлекали) внимание не одного Лу Циюня (Фишман 1980: 331)³. На страницах его произведений появляются имена таких известных деятелей того времени, как последний минский император Хуай-цзун⁴, вождь повстанцев Ли Цзычэн (1606–1645), полководцы У Саньгуй и Ши Кэфа, сановник Ма Шиин и другие (Цзю... б. г.: 97–105).

² Именно этот факт позволяет предположительно отнести рождение писателя к более ранней дате, чем начало периода Канси, поскольку маловероятно, что к участию в столь представительных испытаниях был приглашен 17-летний юноша.

³ В частности, интерес к смутным временам смены династий сказался, хотя и в разной степени, в прозе таких трех знаменитых новеллистов эпохи Цин, как Пу Сунлин (1640–1715), Юань Мэй (1716–1797) и Цзи Юнь (1724–1805).

⁴ Последний минский император Чжу Юцзянь (1611–1644 гг.), правивший под девизом Чун-чжэнь (1627–1644 гг.), получил несколько храмовых имен от представителей различных политических режимов, боровшихся за власть над страной после его смерти. Лу Циюнь использует храмовое имя Хуай-цзун, присвоенное покойному императору цинским двором, в настоящее время наиболее употребимым является Сы-цзун (<https://zh.wikipedia.org/wiki/崇禎帝>).

Предметом рассмотрения в данной статье станет «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй», в которой также идет речь о событиях конца эпохи Мин.

Последние десятилетия царствования династии Мин ознаменовались масштабной крестьянской войной, бушевавшей в империи с 1627 г. 23 апреля 1644 г. повстанческая армия под водительством Ли Цзычэна подошла к Пекину. К утру 25 апреля город пал, последний минский император покончил с собой. 26 апреля Ли Цзычэн в сопровождении соратников вступил в столицу (История... 2016: 596–597; Чернышев 1981: 198–206). В этих обстоятельствах одна из дворцовых служанок (*гунжэнь*), носившая фамилию Фэй, будучи схвачена повстанцами, объявила себя принцессой Чанпин – дочерью императора. Когда обман раскрылся, Фэй заколола кинжалом второстепенного командира повстанческого войска – некоего Ло, после чего покончила с собой.

История Фэй *гунжэнь* в Китае весьма популярна. Современный исследователь Ли Сюйдун в статье «Маленький эпизод и большая история: анализ распространения и эволюции повествования о дворцовой служанке Фэй» приводит список из 42 произведений разных жанров (включая художественный фильм 1940 г.), посвященных Фэй (Ли Сюйдун 2015: 198–205). В соответствии с темой исследования в списке соседствуют как произведения, целиком посвященные судьбе Фэй (как повесть Лу Циюня), так и исторические труды общего характера, например, «Мин ши» («История [династии] Мин»), в которой при общем объеме 332 *цзюаня* биографии Фэй отведено лишь 166 иероглифов (Мин ши 1958: 29500/1308–29501/1309). Тем не менее и этот внушительный перечень нельзя считать исчерпывающим: в него не включены, например, сочинение Цзи Люци (XVII в.) «Мин цзи бэй люэ» («Заметки о событиях конца Мин на Севере»), излагающее историю Фэй текстуально близко к «Мин ши», и пьеса А Ина «Ли Чуан-ван» («Ли – князь Стремительный»), в которой Фэй *гунжэнь* является одним из действующих лиц.

Популярности образа Фэй в немалой степени способствовала пьеса «Чжэнь⁵ закалывает Тигра», в которой главную роль – дворцовой служанки Фэй – неоднократно исполняли двое из числа «четырех великих исполнителей ролей в амлуа *дань*» – Мэй Ланьфан

⁵ Чжэнь – почтительное обозначение Фэй *гунжэнь*, может быть переведено как «добродетельная красавица» (Ли Сюйдун 2015: 189).

и Чэн Яньцю. Пьеса удостоилась восторженных отзывов в Китае. В 1930 г. во время гастролей в США Мэй Ланьфан также выступал в пьесе «Чжэньэ закалывает Тигра», причем постановка была тепло принята американской публикой и записана на киноплёнку (Ли Сюйдун 2015: 192).

Эта известность в полной мере распространяется и на повесть Лу Циюня (как нам кажется, не только в силу популярности образа главной героини, но и по причине художественных достоинств). На его «Жизнеописание Фэй *гунжэнь*» ссылаются в комментариях к своей пьесе и в одной из научных статей писатель, теоретик и историк литературы А Ин (1900–1977) (А Ин 1955: 65, 208; краткую биографию А Ина см.: Духовная... 2006: 204). Американский синолог китайского происхождения Ян Ляньшэн (1914–1990) в 1953 г. помещает это же сочинение Лу Циюня в подборку текстов на вэньяне и байхуа, сопроводив собственным подробным комментарием (Yang Liansheng 1953: 153–160)⁶. Неграмотная бывшая дворцовая служанка Хэ Жун (маньчжурка по происхождению, настоящая фамилия – Хэшэли) в продиктованных в 1940-е гг. воспоминаниях упоминает «Жизнеописание Фэй *гунжэнь*» как «известное» произведение, посвященное концу минской эпохи. Все это, как нам кажется, в полной мере свидетельствует о популярности данной повести в самых широких слоях китайского общества в XX в. О сохраняющемся читательском интересе к произведению Лу Циюня в настоящее время можно судить по наличию текста повести в Интернете⁷.

В России история Фэй *гунжэнь* известна, конечно, в значительно меньшей степени. Автор данных строк встречал лишь три упоминания о ней в русскоязычной литературе. Впервые наши соотечественники могли узнать о судьбе Фэй из обширной статьи М. Храповицкого «События в Пекине при падении Минской династии (1644 г. по Р. Х.)» (Храповицкий 1857: 37). Основным источником для Храповицкого (по крайней мере, в той части его труда, где говорится о Фэй) явилась упомянутая работа Цзи Люци «Мин цзи бэй люэ» («Заметки о событиях конца Мин на Севере»). Затем о Фэй кратко рассказал П. В. Шкуркин (1868–1943) в изданной в 1922 г. в Харбине книге «Легенды в истории Китая» (Шкуркин

⁶ На 3,5 страницы оригинального текста приходится 4,5 страницы примечаний, набранных более мелким шрифтом.

⁷ См., например: <http://www.tonyhuang39.com/page/cc599.html> – оригинальный текст повести с вкрапленными в него комментариями, выделенными цветом.

1922: 112–114)⁸. Хотя в начале своей работы автор приводит список основных источников, не совсем понятно, откуда именно он черпал информацию о данном эпизоде. Вероятно, П. В. Шкуркин основывался на каком-то позднем беллетризованном изложении, о чем свидетельствует, в частности, названное им имя убитого повстанческого командира – Ли Гу по прозвищу И чжи ху, которое автор переводит как «Одноглазый»⁹. Третье (и самое краткое) упоминание даже не самой Фэй, а посвященной ей повести, относится уже к началу XXI в. и содержится в переводе на русский язык уже упоминавшихся мемуаров бывшей служанки из императорского дворца Хэ Жун. О том, насколько мало биография Фэй *гунжэнь* и творчество Лу Цичжэня известны в России даже специалистам, свидетельствует тот факт, что в перевод воспоминаний, выполненный блестящим знатоком китайской литературы Д. Н. Воскресенским, вкралась описка или опечатка – название произведения переведено как «Жизнеописание дворцового слуги Фэя», что осталось никем не замечено при публикации.

К тому времени как Лу Циюнь взялся за написание биографии Фэй *гунжэнь*, ее история уже была отражена в ряде произведений.

Первое документальное свидетельство о подвиге¹⁰ Фэй, послужившее основой для всех последующих изложений этой истории, содержится в «Ци чжэнь е чэн и цзи» («Собрание неофициальных исторических записок о периодах [Тянь]-ци и [Чун]-чжэнь») Цзоу И, в *цзюане* 16 «Гунчжун эр ленью чжуань» («Жизнеописание двух доблестных женщин из дворца»)¹¹. Цзоу И не просто донес до потомков весть о деянии Фэй, в его рассказе уже намечены все ве-

⁸ В 2019 г. издательством «Престиж Бук» было издано двухтомное собрание сочинений В. П. Шкуркина, куда вошел и интересующий нас рассказ «Покровители» (Шкуркин 2019: 508–526).

⁹ Такая версия, бесосновательно отождествляющая убитого дворцовой служанкой повстанца с известным участником Крестьянской войны и антиманьчжурской борьбы XVII в. (его имя в соответствии с современными нормами следует писать как Ли Го, а приведенное прозвище, скорее, можно перевести как «Тигр»), была сформулирована лишь в XVIII в. (подробнее см. в сн. 20). В. П. Шкуркин оговаривает в примечании, что в официальных исторических источниках приведена другая фамилия убитого повстанца – Ло (Он же 1922: 113).

¹⁰ Автор этих строк не претендует на то, чтобы почти 400 лет спустя пытаться дать этическую оценку действиям Фэй *гунжэнь* с точки зрения сегодняшних моральных норм. Достаточно отметить, что современники, включая повстанцев, единодушно расценили ее поступок как героический подвиг.

¹¹ См. Приложение 2.

хи, которым далее будет следовать большинство авторов исторических и художественных сочинений о Фэй *гунжэнь*: Фэй бросается в колодец – выдает себя за принцессу – после раскрытия обмана достается полководцу Ло – требует устроить брачную церемонию – закалывает захмелевшего Ло – кончает с собой – «разбойники» ее хоронят. Сообщения Цзоу И отличаются лаконичностью и безыскусностью, вполне характерные для сделанных «по горячим следам» записок современника. Суховатость рассказа компенсируется авторской оценкой, вынесенной за пределы самого повествования: «Дева Фэй обладала в полной мере и умом, и отвагой, а не только явила женскую добродетель!».

Примерно в то же время известный историк Мао Цилин (1623–1716) составил другое описание подвига Фэй¹², во многих отношениях резко отличающееся от рассказа Цзоу И. Заметно нарастает художественность повествования. «Полководец Ло» обретает имя – теперь это Ло Цзя. Данное уточнение является скорее художественной конкретизацией, чем свидетельством большей осведомленности Мао Цилина: иероглиф *цзя* имеет, в частности, значения «латник», «тяжеловооруженный воин» и в качестве имени войскового командира может приближаться по смыслу к имени нарицательному¹³. Заколов Ло, Фэй выходит из шатра, просит подать вина

¹² Жизнеописание включено в «Сборник Западной реки» Мао Цилина, изд. 23 (Храповицкий 1857: 187, 198). Мао Цилин, в отличие от Лу Циюня, успешно прошел отбор и принял участие в составлении «Мин ши» (Доронин 1974: 115).

¹³ О том, что Цзя, скорее всего, не было собственным именем Ло, свидетельствует вариативность его имени в последующей литературе: Ло Жан, Ли (!) Янь. Уже в XVIII в. знаменитый Юань Мэй пишет стихотворение «Фэй *гунжэнь* закалывает Тигра», в котором безосновательно с исторической точки зрения отождествляет убитого Фэй повстанца с крупным лидером крестьянской войны Ли Го по прозвищу И чжи ху (Тигр). Вероятно, сделано это было из идеологических соображений: исторический Ли Го не погиб в Пекине, пережил своего родственника Ли Цзычэна и, вступив в союз с наследниками минского императора, пытался противостоять маньчжурскому завоеванию Китая. Ко времени жизни Юань Мэя официальная версия маньчжурских властей объявляла маньчжуров преемниками и союзниками минских властей в борьбе с повстанцами. Биография Ли Го находилась в кричащем противоречии с такой концепцией. Вероятно, стихотворение Юань Мэй было призвано внедрить в сознание читателей официальную версию событий: «разбойник» Ли Го не мог объединиться с приверженцами Минского царствующего дома – он вообще погиб сразу после падения Минской империи. Действительно, последующая популярная литература воспринимает эту версию, и жертвой Фэй обычно объявляется Ли Го (И чжи ху), хотя продолжают встречаться и другие варианты имени: Ло Жан, Ли Ху, Ло Иху (несомненно, имя Тигр,

и убивает одного за другим еще двух «разбойников», а перед тем как покончить с собой, патетически восклицает: «То, что я не смогла убить Цзычэна – это от Неба!» Несмотря на столь яркую картину, созданную Мао Цицином, подобное превращение юной дворцовой девы в машину для убийств показалось неправдоподобным уже современникам (Ли Сюйдун 2015: 187).

В дальнейшем популярность образа Фэй только росла, чему способствовала смена идеологических установок.

Следующим принципиальным этапом в разработке сюжета о Фэй можно считать «Жизнеописание дворцовой служанки в год Цзя-шэнь¹⁴» Ли Чансяна. К отличительным особенностям этого произведения следует отнести утверждение об особой близости Фэй к императорской чете: героиня «обреталась во дворце Куньнингун» (Лю Жоюй 1982: 14)¹⁵, «по прошествии недолгого времени к юной красоте добавились природный ум и находчивость. Императрица любила ее, часто посылала прислуживать в опочивальне императора» (Ли Сюйдун 2015: 188). Другая черта, привнесенная Ли Чансяном, – усиление отрицательного начала в характеристике повстанцев, представленных необузданными и развратными, и лично Ли Цзычэна, который, узнав о смерти Ло, «сильно разгневался, из-за гибели одного главара Ло казнил приближенных Ло – несколько десятков человек» (Там же). В целом нарисованная Ли Чансяном картина действий Фэй представляется более реалистичной, и слова, которые автор вкладывает в уста героини перед тем, как она покончит с собой, свидетельствуют о более трезвой оценке ситуации: «Я – всего-то дворцовая служанка, сумела убить одного вашего главара! О радость!» (Там же). Здесь следует оговориться, что слова, которые авторы официальных биографий и, тем более, беллетризованных сочинений вкладывают в уста своих героев, совсем не обязательно являются подлинными высказываниями исторических лиц, зафиксированными очевидцами (об этом часто свидетельствуют сами обстоятельства, в которых такие фразы яко-

вызывающее коннотации с безжалостным, жестоким хищником, казалось беллетристам наиболее подходящим для разбойника). Отсутствие сколько-нибудь достоверных данных об имени косвенно свидетельствует, что «некий Ло» едва ли мог принадлежать к ближайшему окружению Ли Цзычэна и, вероятно, занимал не очень высокое положение в повстанческой иерархии.

¹⁴ Цзя-шэнь – циклическое обозначение 1644 г. в соответствии с традиционной китайской системой летоисчисления.

¹⁵ Дворец Куньнингун – резиденция императрицы.

бы прозвучали)¹⁶. Скорее эти приписываемые им высказывания служат дополнительным художественным средством, чтобы охарактеризовать личность героя, пояснить мотивы его действий или раскрыть его жизненные принципы в том виде, как они представлялись автору.

Итогом историографии Фэй *гунжэнь* является рассказ о ее подвиге в «Мин ши» – официальной «Истории династии Мин»¹⁷, работа над которой завершилась в 1736 г.

Во-первых, изложение истории Фэй в этом сочинении означало ее официальное признание, внесение Фэй в пантеон достойных внимания деятелей (героев и злодеев) минской эпохи. В противном случае образ Фэй мог остаться достоянием лишь фольклора и неофициальных жизнеописаний.

Во-вторых, этот текст являлся высочайше утвержденной трактовкой события. Именно изложенная в «Мин ши» версия деяния Фэй должна была остаться в истории и отныне служить источником официальных сведений о ней для последующих поколений.

Дальнейшая литература о Фэй либо носила откровенно художественный характер, либо концентрировала внимание на частных деталях (например, со ссылкой на очевидцев сообщалось, что на ступенях одного из павильонов дворцового комплекса в Пекине сохранились следы крови Фэй; предпринимались также попытки установить место ее рождения).

В определенной степени «Жизнеописание Фэй *гунжэнь*» Лу Циюня можно считать итогом развития образа Фэй в неофициальной исторической и околоисторической литературе, прежде чем она была официально канонизирована в высочайше утвержденном тексте «Мин ши»¹⁸.

¹⁶ Об этом уже говорилось в отечественной исследовательской литературе применительно к официальным жизнеописаниям (Кравцова 1992: 132, ср.: Хейзинга 2011: 552, прим. – с. 711).

¹⁷ В тексте «Мин ши» Фэй (подобно многим другим персонажам) не удостоена отдельной биографии, информация о ней (как и о дворцовой служанке Вэй, покончившей с собой при вступлении повстанцев во дворец и спровоцировавшей массовое самоубийство дворцовых служанок) помещена в биографии императрицы Чжоу – супруги последнего минского императора – в качестве своеобразного приложения. Фактически наиболее значимая часть текста, легшего в основу окончательной редакции этого сочинения, была написана существенно раньше формальной даты его утверждения двором (Доронин 2002: 90–94).

¹⁸ Ли Сюйдун связывает завершение эволюции истории Фэй в раннецинский период с 42-й и 43-й главами романа «Тегуань ту цюань чжуань» («Полное по-

Изложение фактов в повести Лу Циюня во многом существенно отличается как от более ранних произведений, так и от окончательного текста «Мин ши», что уже было отмечено в исследовании Ли Сюйдун. Поступок Фэй, в ранних источниках (и, вероятно, в действительности) во многом обусловленный случайным сцеплением событий (колодец, в который она бросилась, оказался пересохшим, попытка выдать себя за принцессу потерпела провал...), в повести представлен как результат заранее спланированного замысла. Возрастает число действующих лиц и усложняется сюжетная линия: Фэй делится опасениями за судьбу династии с евнухом Ван Чэньэнем и дворцовой служанкой Вэй (в исторических источниках не отмечено какой-либо связи между действиями этих трех лиц)¹⁹, вместе с придворным Хэ Сином оказывает помощь раненой принцессе (в «Мин цзи бэй люэ» аналогичные действия приписаны безымянной дворцовой служанке)²⁰. Фэй наделена и прозорливостью, и способностью разбираться в людях, вероятно, поэтому она изначально привлекает внимание и самого императора и принцессы Чанпин, к которой она определена на службу. Ли Цзычэн в соответствии с авторским замыслом представлен более наивным, чем в предшествующих повествованиях, – он не сумел изобличить самозваную принцессу, но в целом повстанцы и их вождь производят

вестование о картинах Тегуаня»), написанного приблизительно в эпоху Канси, то есть примерно в одно время с повестью Лу Циюня (Ли Сюйдун 2015: 188). На наш взгляд, откровенная художественность изложения, к чему обязывает и сам жанр романа (например, убив разбойника и готовясь к самоубийству, героиня из опасения, что ее подлинное имя останется неизвестным, пишет стихи, в которых раскрывает свою личность, а ее жертву зовут Ли Янь [<https://zh.wikisource.org/wiki/鐵冠圖全傳第四十三回>]), вместе с присущим всему повествованию ярко выраженным фантастическим элементом (обрамлением для всего произведения служит рассказ о предсказании относительно падения династии Мин, сделанном вскоре после ее воцарения [<https://zh.wikisource.org/wiki/鐵冠圖全傳第一回>]) позволяют отнести этот памятник скорее уже к следующему этапу эволюции образа Фэй, в рамках которого она становится чисто литературным персонажем, хотя и восходящим к историческому прототипу. Повесть же Лу Циюня, несмотря на некоторые особенности авторской трактовки событий, в определенной степени сохранила для потомков значение исторического источника, о чем свидетельствует, в частности, ее использование А Ином.

¹⁹ Ван Чэньэнь (?–1644) – высокопоставленный придворный евнух, занимал важный пост в Департаменте управления церемониалом, лично участвовал в обороне Пекина от войск повстанцев, покончил с собой вместе с императором (Мин ши 1958: 31493/3301). О служанке Вэй см. в прим. 25.

²⁰ «Мин цзи бэй люэ» (<http://m.guoxuedashi.com/a/333g/11251m.html>).

менее отталкивающее впечатление, чем в изложении Ли Чансяна – там «разбойники» только предавались пьянству и разврату, в повести Лу они играют на музыкальных инструментах, праздную свадьбу Ло. Ли Цзычэн в повести верит, что Фэй – это принцесса Чанпин, и сам пленяется ее красотой, но подобный поворот сюжета вступает в противоречие с дальнейшим развитием событий: возникает вопрос – почему же он отдает пленницу командиру Ло?

Лу Циюнь выводит действие из тупика с помощью мистического эпизода. Едва Ли Цзычэн пытался сесть на императорский трон, как ему становилось дурно и его взору являлся гигантский призрак. Используя этот прием, автор не только разрешает противоречие между изначальным порывом Ли и его дальнейшим прямо противоположным действием (из-за подобных кошмаров Ли Цзычэну уже не до женщин), но и решает важную идеологическую задачу: зловещее предзнаменование недвусмысленно свидетельствует, что волей Неба Ли не суждено занять императорский престол. Такая трактовка полностью укладывалась в официальную концепцию воцарения маньчжурской династии, якобы просто занявшей трон, оставшийся «вакантным» после гибели Минской империи²¹. Полководца Ло, которому вождь повстанцев «пожаловал» Фэй, Лу Циюнь характеризует как приближенного к Ли Цзычэну военачальника, который «захватывал с боем вражеские позиции и брал штурмом крепости». Подобная аттестация полководца, которого предстояло убить героине, очевидно, была призвана повысить в глазах читателей «историческое значение» подвига Фэй. Такое стремление характерно и для предшественников Лу Циюня, которые решали эту задачу по-разному: Мао Цилин приписал героине убийство не одного, а нескольких повстанцев; по версии Ли Чансяна, Ли Цзычэн был настолько раздосадован гибелью Ло, что казнил несколько десятков его приближенных (это, с одной стороны, косвенно увеличивало убыль живой силы «разбойников» вследствие действий Фэй, а с другой, – свидетельствовало, как высоко ценил вождь повстанцев своего соратника Ло). Вероятно, статус исторического Ло (в «Мин ши» его называют командиром отряда) казался

²¹ Описанный в повести призрак появляется и в тексте «Мин ши» (1958: 31561/3369, см. также: Доронин 1974: 130; Yang Liansheng 1953: 159–160), но там его появление целиком подчинено решению идеологической задачи – показать нелегитимность Ли Цзычэна в качестве нового императора. В повести же Лу Циюня эта функция, не теряя своей актуальности, отходит на второй план, а призрак играет важную логическую роль в развитии сюжета.

рассказчикам недостаточно высоким, не соответствующим масштабу подвига Фэй. Лу Циюнь, на наш взгляд, вышел из положения с наибольшим изяществом.

Но принципиальное отличие истории, рассказанной Лу Циюнем, от всех прочих заключено в мотиве, движущем главной героиней. Если основное содержание подвига исторической Фэй – убийство повстанческого командира, то в повести ее главной целью становится спасение принцессы. Подобное утверждение полностью противоречит данным исторических источников, в частности биографии принцессы Чанпин-гунчжу в «Мин ши». Ко времени описываемых событий принцессе было около 16 лет, император-отец уже подобрал ей жениха, но принцесса еще жила во дворце. В преддверии неминуемого падения столицы император приказал некоторым женщинам из своей семьи совершить самоубийство, других лично зарубил. Принцессу он тоже рубанул мечом со словами: «Зачем ты родилась в моей семье?!», но, как оказалось, не убил, а только зарубил левое плечо (Мин ши 1958: 29564/1372). Придворный Хэ Синь вынес раненую принцессу из дворца в городскую усадьбу императорского тестя²². Принцесса долго находилась в беспомощности, причем, по данным некоторых источников, включая официально утвержденные, была обнаружена повстанцами, и врачебную помощь ей оказали по личному указанию Ли Цзычэна (А Ин 1955: 208). Как бы то ни было, принцесса пережила несчастья, обрушившиеся на ее семью в год Цзя-шэнь. Во второй год Шунь-чжи (1646 г.) она обратилась к императору новой династии за разрешением постричься в монахини. Едва ли маньчжурским правителям Китая улыбалось, чтобы келья новоявленной инокини превратилась в центр притяжения сторонников минского режима – император ответил отказом и повелел, чтобы бывшая принцесса вышла замуж за своего прежнего жениха. Новобрачным были высочайше пожалованы земля, усадьба, экипаж с конями и денежная выплата. На другой год принцесса умерла от болезни (Мин ши 1958: 29564/1372–29565/1373).

В повести же Лу Циюня рассказано, как по инициативе Фэй принцесса отдает ей свой костюм, после чего покидает дворец, а переодетая Фэй самоотверженно выдает себя за принцессу перед Ли Цзычэном. Поскольку по версии Лу Циюня подлинная личность Фэй так и не была раскрыта, то после убийства Ло и самоубийства

²² «Мин цзи бэй люэ» (<http://m.guoxuedashi.com/a/333g/11251m.html>).

главной героини повстанцы «сочли, что принцесса уже умерла и не возобновляли [ее] розысков». Такое завершение позволило Ли Сюйдуну сказать, что история принцессы в повести Лу Циюня «обрела относительно счастливую развязку» (Ли Сюйдун 2015:188).

С таким толкованием истории Фэй связан и еще один нюанс. В свидетельствах современников отмечено (и эта информация повторена в «Мин ши»), что повстанцы похоронили останки Фэй (в «Событиях конца Мин на Севере» уточнено, что по приказу Ли Цзычэна) – в этом жесте выразилось сочувствие и признание ее заслуг перед погибшим императорским домом. В повести Лу Циюня присутствует уточнение: Ли Цзычэн «похоронил ее в соответствии с церемониалом», а раз Ли и его окружение считают погибшую героиню принцессой, то подразумевается церемониал, предусмотренный для членов императорской семьи. Таким образом, за свой героизм Фэй удостоивается посмертных почестей, полагающихся принцессе императорской крови, что еще более вышает ее в глазах читателей.

Другой особенностью повести Лу Циюня является условие, которое дворцовая служанка выдвигает Ло. Во всех предыдущих версиях оно состояло в том, чтобы Ло исполнил положенные свадебные церемонии. В повести Фэй требует, чтобы Ло организовал похороны погибшего императора с исполнением необходимых обрядов²³. Ло соглашается, и Фэй лично участвует в церемонии. Требование, чтобы один из виновников смерти монарха организовал похороны своей жертвы, возможно, восходит к фольклорным мотивам (ср.: Рифтин 1961: 10–11).

Спасение принцессы и организация похорон императора в сюжетном плане являются главными отличиями произведения Лу Циюня. В любом случае героиня повести полностью исполнила свой долг как перед покойным государем, так и перед своей госпожой. Такое смещение акцента возвеличивает Фэй, пожалуй, даже в большей степени, чем механическое повышение статуса убитого ею командира Ло.

Ознакомившись с фактологическими отличиями повести Лу Циюня, рассмотрим особенности изложения автором тех фактов, которые в его повести совпадают с данными других источников, обычно довольно лаконичными.

²³ Похороны последнего минского монарха были организованы повстанцами, но в источниках этот факт не связывается с именем Фэй.

За недостатком места ограничимся лишь двумя эпизодами – рисующими самоубийство императора и самоубийство героини.

Едва ли стоит уточнять, что сцена самоубийства последнего минского императора, несмотря на подробность, с которой она описана, не является документальным свидетельством. Трудно представить, что Лу Циюню удалось получить какую-то уникальную информацию о деталях этого мрачного события. Его рассказ повествует не столько о том, как происходили события, сколько о том, как они *должны были* происходить. Мизансцена самоубийства воспроизводит схему торжественного приема в тронном зале: император располагается в центре, лицом к югу, по сторонам от него выстраиваются чиновники. Поэтому, хотя речь идет всего о двух действующих лицах, автор не пишет, что император повесился слева, а Ван Чэнзнь справа. Император расположился в центре, задав, таким образом, своеобразную ось координат, а Ван занял место одного из присутствующих на аудиенции царедворцев, причем выбрал наименее почетную сторону, оставив более почетное место незанятым, чем дополнительно подчеркнут «официальный характер» расположения персонажей даже в столь трагической ситуации²⁴. Подобное изложение превращает повествование в любопытное свидетельство китайской ментальности XVII в. Чтобы подчеркнуть знаковый характер реконструкции Лу Циюня, отметим, что «Мин ши» и «Мин цзи бэй люэ» описывают происшедшее значительно менее церемонно, хотя и используя предписанную этикетом лексику: «Император почил на горе Ваньшоушань, Ван Чэнзнь умер вместе с ним» (Мин ши 1958: 28379/187), «Император почил в беседке Шоухуантин, Чэнзнь повесился подле нее» (Мин ши 1958: 31493/3301), «Вслед за тем [император] удавился на яблоне у беседки. Придворный евнух Ван Чэнзнь повесился напротив»²⁵.

²⁴ В «И ли», в главе «Ши сян цзянь ли», сказано, что даже во время неофициальных аудиенций государь должен занимать место лицом к югу или, если это невозможно, – центральное место (<http://www.guoxue.com/book/yili/0003.htm>). Ср. с воспроизведением той же схемы воображаемой аудиенции в минской дипломатической практике (Бокщанин 1968: 35).

²⁵ «Мин цзи бэй люэ» (<http://m.guoxuedashi.com/a/333g/11251m.html>). Правда, Цзи Люци затем добавляет, что, по слухам, Ван удавился в коленопреклоненной позе перед повесившимся императором.

Специфической особенностью повествования является чрезвычайно значимое в художественном отношении противопоставление пристойной мирной кончины Фэй и описанной с натуралистическими подробностями агонии Ло. Возможно, эффектность этого художественного приема была призвана в какой-то мере компенсировать отсутствие в повести предсмертных слов героини, от реконструкции которых автор вынужден был отказаться по сюжетным соображениям. Но, несомненно, подобный контраст понадобился Лу Циюню прежде всего как дополнительное средство оценочной характеристики героев.

По нашему мнению, важным обстоятельством, предопределившим счастливую судьбу повести Лу Циюня, явилось сочетание художественных достоинств произведения с особенностями идеологической позиции автора, целиком отвечающей требованиям цинских властей (может быть, и здесь сказался изначальный расчет на участие в составлении официальной «Истории Мин»). Последний минский император не представлен глупым тираном, но для читателя очевидна его полная неспособность изменить что-либо в ходе государственных дел. Несчастный монарх способен лишь печалиться, а в роковой момент достойно расстаться с жизнью, что вполне согласуется с характеристикой императора в «Мин ши»: «Чжуанле-ди²⁶ не был правителем, погубившим государство, он лишь разделил судьбу гнущего государства. К тому же ему недоставало умения предотвратить гибель» (цит. по: Доронин 2002: 171). Отчасти такое бессилие императора объясняется бездействием его окружения, леность и эгоизм которого Лу Циюнь порицает устами главной героини. Именно на нерадивых сановников автор возлагает ответственность за гибель империи, что явствует и из авторского послесловия, в котором героизм дворцовых служанок Фэй и Вэй и евнуха Ван Чэнъэня противопоставлен бездействию тех, кто является мужами высоких достоинств и благородными мужами лишь по названию. И вновь оценка Лу Циюня звучит в унисон со словами «Мин ши»: «Власть придержащие были если не тупицами, то болтунами... На помощь сановников в столице и вне ее рассчитывать не приходилось, люди заботились только о собственной выгоде» (цит. по: Доронин 2002: 170).

Завершая анализ повести, нельзя не отметить язык, насыщенный метафорами, – переживания главной героини о будущем вы-

²⁶ Посмертное имя Чжу Юцзяня, под которым он фигурирует в «Мин ши».

ражаются посредством идиомы «печаль человека из Ци»; течение воды в канале останавливают не трупы утопившихся в нем девушек, но их нагромоздившиеся головные украшения и осевшие на дно румяна; для обозначения смерти императора использовано столь специфическое иносказание, как «Озеро Треножника»²⁷...

Таким образом, художественные достоинства произведения Лу Циюня в сочетании с трактовкой событий, полностью отвечающей требованиям Цинского двора (хотя взаимное соотношение значимости этих факторов для обеспечения успеха произведения менялось в различные эпохи), предопределили популярность «Жизнеописания дворцовой служанки Фэй» у читателей на протяжении нескольких веков.

Приложение 1

Лу Циюнь. «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй»²⁸

Дворцовой служанке Фэй было 16 лет. Неизвестно, из какой местности она была родом. Она отличалась такими достоинствами, как серьезность и красота. Император Хуай-цзун рассказал о ней императрице Чжоу и назначил Фэй служить принцессе [Чанпин]. Принцесса особенно любила ее.

Дворцовая служанка видела, что император печалится из-за умножения [в стране] бродячих разбойников²⁹, и [потому] постоянно таила в груди «опасения человека из Ци»³⁰. Ван Чэньэнь был приближенным Хуай-цзуна. Дворцовая служанка тайком спросила у него об опасности, грозящей [государству] из-за разбойников.

²⁷ На наш взгляд, в еще большей степени эта особенность авторского стиля Лу Циюня сказалась в «Жизнеописании Юаньюань» – сюжетно тесно связанном с «Жизнеописанием дворцовой служанки Фэй» произведении, которому автор этих строк надеется посвятить отдельное исследование.

²⁸ Перевод выполнен по изданию: (Цзю саошо б. г.: 99–100). Переводчик ограничился лишь краткими комментариями, отказавшись от разъяснений относительно лиц и событий, информацию о которых можно получить из текста статьи и примечаний к нему.

²⁹ «Бродячие разбойники» – Лу Циюнь, в соответствии с нормами феодальной историографии, называет разбойниками повстанцев – участников Великой крестьянской войны 1628–1644 гг.

³⁰ «Печаль человека из Ци» – метафора для обозначения постоянного беспокойства. Выражение восходит к притче из древнего трактата «Ле-цзы» – некий житель царства Ци боялся, что на него рухнет небо, когда же ему объяснили, что небо – это не твердый свод, а просто воздух, он выразил опасение, что на него могут посыпаться лишённые опоры планеты (Из книг... 1987: 118).

Чэньэнь сказал: «Ты живешь в глубине дворцовых покоев. К чему тебе знать об этом?» Служанка ответила: «Хотя я и живу в глубине дворцовых покоев, но если не буду знать – не смогу позаботиться о будущем». Чэньэнь удивился такому ответу.

Разбойники еще более умножились, император стал еще печальнее. Дворцовая служанка все чаще спрашивала Чэньэня. Чэньэнь спросил: «Почему же ты не советуешься с другими, а каждый раз только со мной?». Дворцовая служанка сказала: «У всех [прочих придворных] ленивый вид, кто из них думает о государстве? Я увидела [Вашу] преданность государю и искренность, а потому обратилась к Вам – и только!» Чэньэнь еще больше удивился ее ответу и спросил: «Ты говорила, что строишь план [на будущее]. Что это за план?». Дворцовая служанка сказала: «В случае несчастья я рассчитываю лишь умереть. Хочу не умереть бесполезной смертью – и только». Чэньэнь сказал: «Древние говорили: “Хранить верность своему слову, даже если бы пришлось умереть, а после смерти вновь довелось вернуться к жизни – это можно назвать искренностью”³¹. Способна ли ты на такое?». Дворцовая служанка ответила: «Прошу Вас в будущем проверить искренность моих слов!»

Была еще дворцовая служанка Вэй, годами немного старше, чем Фэй, тоже искренняя и прекрасная. Будучи по натуре столь же добродетельной, как Фэй, она, услышав ее слова, сказала: «Дорогая, твой план очень труден! Я не способна на такие трудности. Приди такое время – мне останется только умереть, чтобы этим выразить свои чувства!» Чэньэнь столь же удивился ее словам.

Девятнадцатого числа третьего месяца года Цзя-шэнь Ли Цзычэн взял столичный город. Ван Чэньэнь спешно доложил императору [о случившемся]. Император и императрица в слезах расстались. Внутри дворца все кругом плакали. Императрица повесилась. Драгоценная Супруга Юань тоже повесилась. Император обнажил меч и зарубил нескольких из числа своих второстепенных жен. Призвав принцессу, [он] сказал: «Тебе всего пятнадцать лет! Зачем тебе выпало несчастье родиться в моей семье!», левым локтем закрыл себе лицо, правой рукой замахнулся и рубанул, разрубил принцессе левую руку, но не убил, рука императора задрожала, и он не смог нанести новый удар. Вместе с Чэньэнем император

³¹ Неточная цитата из канонической конфуцианской книги «Гуньян чжуань» («Комментарий Гуньяна») (см.: Yang Liansheng 1953: 157).

прибыл в Южный дворец, поднялся в беседку Шоухуантин на горе Ваньсуйшань и повесился – император в центре, а Чэньэнь справа. Чэньэнь еще [прежде] торжественно совершил благодарственные поклоны [перед императором] и потом последовал [за ним] к «Озеру Треножника»³².

В это время Хэ Синь, хранитель императорского гардероба, кинулся во дворец, чтобы увидеться с государем, но не смог разыскать. Он увидел принцессу, лежащую на полу, все ее служанки разбежались, дворцовая служанка Фэй, плача, стояла подле нее. Вместе они помогли ей и привели в чувство. Принцесса сказала: «Государь-отец пожаловал меня смертью, как же я посмела остаться в живых! К тому же разбойники уже пришли – обязательно станут разыскивать дворцовых женщин, мне теперь уже трудно спрятаться». Дворцовая служанка сказала: «Прошу [Вас] пожаловать меня, Вашу служанку, одеждой принцессы, я думаю обмануть разбойников, чтобы выручить принцессу. Но вот где Вам можно укрыться?» Хэ Синь сказал: «В усадьбе Государственного Старца³³ можно!» Принцесса вручила [свое] платье служанке и, плача, рассталась с ней. Синь поспешно вынес принцессу [из дворца].

Ли Цзычэн выстрелил из лука в ворота Чэнтяньмэнь³⁴, полководцы [повстанцев] вошли во дворец. Дворцовая служанка Вэй громко закричала: «Разбойники вошли внутрь, мы будем обеспе-

³² «Озеро Треножника» (либо «Область Динху») – метафора для обозначения смерти государя. Согласно легенде, в местности Динху скончался (по другой версии – не умер, а вознесся в небо верхом на драконе) мифический император Хуанди (Юань Кэ 1965: 143–144, 367–368).

³³ Государственный Старец – тесть императора, отец императрицы Чжоу (Yang Liansheng 1953: 159), дед принцессы, усадьба которого находилась в городе, за пределами императорского дворца.

³⁴ Чэнтяньмэнь – это центральные ворота дворцового комплекса. Ли Цзычэн проехал через них, въезжая на территорию дворца. Вероятно, Лу Циюнь не случайно особо упоминает об этой детали. Над воротами висела декоративная доска с названием ворот, составленным из четырех иероглифов. Подъехав к воротам, Ли Цзычэн загадал вслух: «Если попаду из лука точно в центр доски – стану императором». Выстрел оказался неудачным. Возможно, намекая на факт неудачной стрельбы, автор в соответствии с идеологическими установками своего времени напоминает, что Ли Цзычэну не суждено было по воле Неба вступить на трон, он может рассматриваться только как узурпатор. В отечественной литературе высказывалась и противоположная точка зрения, согласно которой данное предзнаменование упоминается в источниках как счастливое, поскольку соратники Ли Цзычэна поспешили успокоить вождя, истолковав событие благоприятным образом (Доронин 1974: 131).

щены! Скорее осуществим задуманное!» Самоотверженно бросилась в реку Юйхэ³⁵. В один миг последовавших ее примеру [дворцовых служанок] оказалось три сотни. Шпильки и гребни, украшенные перьями зимородка, нагромодились, румяна скопились – воды реки из-за этого остановили свое течение, и аромат стоял еще несколько дней.

Дворцовая служанка Фэй видела, как они погибли, и вернулась, надела одежды принцессы и укрылась в пересохшем колодце. Разбойники крюком вытащили ее. Представ перед Ли Цзычэном, она сказала: «Я – принцесса Чан! Тебе нельзя пренебрегать этикетом!» Цзычэн увидел ее красоту и всем сердцем пожелал заполучить ее. Но каждый раз, как он всходил на трон, в глазах у него темнело и душа трепетала, он видел перед собой стоящего человека высотой в несколько *чжанов*³⁶, облаченного в белую траурную одежду, и еще смутно видел рядом с собой императора. Всем сердцем он трепетал из-за этих [видений], поэтому не посмел забрать принцессу себе, и пожаловал ее любимому полководцу по фамилии Ло. Ло в войске Стремительного³⁷ захватывал с боем вражеские позиции и брал штурмом крепости, имел наибольшие заслуги, поэтому Цзычэн пожаловал принцессу ему, чтобы наградить за подвиги. Ло очень обрадовался. Дворцовая служанка сказала [Ло]: «Стремительный приказал – я не посмею ослушаться! Но все же я – дочь императора. Если Вы, господин, сможете устроить жертвоприношение прежнему императору, тогда я последую за Вами». Ло обрадовался еще более, последовал ее просьбе. Дворцовая служанка, плача, полностью исполнила жертвоприношения перед [телом] прежнего императора, и еще совершила поклоны перед [телом] Чэньэня, сказав: «Господин Ван! Господин Ван! Можете ли Вы, умерев, вернуться к жизни, чтобы проверить [искренность] моих слов? Я сдержу [свои] прижизненные слова!»

³⁵ Юйхэ (Августейшая река) – ныне Цзиньшуйхэ (Река Золотой воды) – декоративный канал на территории пекинского дворцового комплекса в 32 метрах от основания ворот Тяньаньмэнь, современная ширина 18 метров, глубина около пяти метров (<https://baike.baidu.com/item/金水河/79428>).

³⁶ *Чжан* – мера длины. В описываемое время – более трех метров. Таким образом, призрак был огромного, сверхъестественного роста. Описывая видения Ли Цзычэна, автор снова стремится убедить читателя, что вождь повстанцев не мог стать законным императором.

³⁷ Стремительный – то есть Ли Цзычэн, в период восстания взявший себе титул «Стремительный князь».

Разбойники громко играли на музыкальных инструментах и поздравляли Ло. Ло пьянствовал и сильно опьянел. Когда вошли в спальню, дворцовая служанка взяла еще вина, исполнила обряды совместной трапезы и соединенных чарок³⁸ и еще в огромной застольной чаше поднесла Ло вина. Ло сказал: «Я заполучил тебя! Хотел составить доклад – поблагодарить Стремительного князя, но, к стыду моему, нет [рядом подходящего] человека»³⁹. Дворцовая служанка сказала: «В чем же затруднение! Я могу сделать это. Почему бы господину не лечь отдохнуть? Когда я напишу – сразу же скажу господину». Ло обрадовался еще больше, от опьянения сейчас же уснул, храпел подобно раскатам грома. Дворцовая служанка отослала служанок, поправила фитиль в лампе и осталась сидеть в одиночестве. Услышала, что звуки снаружи полностью стихли, тогда тонкими пальцами сжала кинжал, покосилась на горло разбойника Ло, и изо всех сил ударила в него. Горло Ло оказалось пробито, от боли [он] подскочил, несколько раз валился и вскидывался, и только потом упал. Разбойники все содрогнулись, распахнули двери – кинулись к нему на помощь, уже не успели. В это время цветочные свечи⁴⁰ еще светили. Все увидели, что дева в полном наряде чинно сидит и не проронит ни звука. Внимательно всмотрелись в нее, а, оказывается, уже горло разрезано до тыльной части, и [она] мирно скончалась.

Весть об этом дошла до Цзычэна. Цзычэн ахнул от испуга и похоронил ее в соответствии с церемониалом⁴¹. В связи с этим [разбойники] сочли, что принцесса уже умерла, и больше ее не разыскивали.

³⁸ Свадебные обряды.

³⁹ Видимо, Ло был неграмотен, для составления доклада ему был нужен кто-то, способный написать текст в торжественном стиле.

⁴⁰ Цветочные свечи – свечи, украшенные позолотой и узорами, являлись атрибутом свадебной церемонии.

⁴¹ Согласно религиозно-этическим воззрениям, господствовавшим в традиционном Китае, остаться без погребения – едва ли не самая ужасная участь. Тело должны были похоронить и совершать в память умершего определенные обряды (поэтому Фэй настояла на принесении жертв духу погибшего императора). Ли Цзычэн, отдав распоряжение о похоронах Фэй, выразил признание ее заслуг – она осталась верна покойному императору и павшей династии. Но автор повести утверждает даже, что поскольку повстанцы приняли Фэй за принцессу, ее похоронили в соответствии с церемониалом, положенным членам императорской семьи.

Послесловие Лу Циюня:

Учитель сказал: «Что касается женщин и слуг – то с ними трудно иметь дело»⁴². Женщины и слуги... – разве это не евнухи и дворцовые служанки? Дворцовые служанки, подобные Фэй и Вэй, евнух, подобный Ван Чэньэню... – даже доблестные мужи и благородные мужи как могут сравниться с ними?! Я сообщил эту [историю], чтобы устыдить [тех] доблестных мужей Поднебесной, что не доблестные мужи, тех, кто называются благородными мужами, но не являются благородными мужами.

Приложение 2

Цзоу И. «Жизнеописание двух доблестных женщин из дворца»⁴³

В год *цзя-шэнь* периода Чун-чжэнь столичный город пал перед разбойниками. Урожденная Фэй – в начале года [она] достигла брачного возраста – бросилась в колодец, колодец оказался пересохшим. Разбойники пришли, услышали звуки внутри колодца, спасли ее. Разбойники увидели ее наружность, стали оспаривать ее друг у друга и не могли договориться. Урожденная Фэй обманно сказала: «Я принцесса Чан, вам не следует бесчинствовать, следует сообщить вашему государю!» Урожденная Фэй рассчитывала таким образом добраться до Стремительного. Предстала перед Стремительным, выяснилось, что она не принцесса, [он] подарил ее разбойничьему полководцу по фамилии Ло, тот увел ее. Фэй теперь обманно сказала ему: «[Ваша] служанка годами еще молода, действительно происходит из императорского дома. По чести невозможно вступить в безнравственную связь. Надеюсь, полководец [проявит] жалость и снисходительность – выберет счастливый день и исполнит [положенную брачную] церемонию». Ло очень обрадовался. Фэй скрыла острый нож, выждав, когда Ло [сильно] опьянел, изо всех сил прямо ударила [его] под горло, вслед за чем ножом

⁴² Слова Конфуция из канонической книги «Лунь юй» («Суждения и беседы») (Переломов 1998: 432–433). Избранный нами вариант перевода отличается от перевода Л. С. Переломова, чтобы цитата точнее соответствовала тому смыслу, который в данном контексте вкладывал в нее Лу Циюнь. То, что Лу Циюнь приравнивает высокопоставленного евнуха Ван Чэньэня к обычному слуге, следует расценить либо как выражение традиционной неприязни ученого сословия к придворным евнухам, либо просто как риторическую фигуру.

⁴³ Перевод отрывка выполнен по изданию: Ли Сюйдун 2015: 187.

перерезала себе горло, оба умерли перед столом с яствами. Разбойники посочувствовали ее добродетели, похоронили ее.

Приложение 3

Чжан Гинъюй и др. «История [династии] Мин»⁴⁴

Дворцовая служанка по фамилии Фэй, шестнадцати лет, бросилась в пересохший колодец. Разбойники вытащили [ее], увидели ее наружность, заспорили из-за нее. Фэй обманно сказала: «Я принцесса Чан». Разбойники не посмели приневоливать ее, явились [с ней] к Ли Цзычэну. Цзычэн велел дворцовому евнуху опознать ее, тот не опознал [в ней принцессу]. [Тогда Цзычэн] пожаловал [ею] некоего Ло, командира отряда. Фэй вновь, обманывая Ло, сказала: «Я действительно из императорской семьи, по чести невозможно вступить в безнравственную связь. Полководцу следует выбрать счастливый день и исполнить [положенную брачную] церемонию». Ло обрадовался, выставил вино [и] ликовал. Фэй держала за пазухой острый нож, выждав, когда Ло опьянел, рассекла ему горло [и] убила на месте. Вслед за тем сказала сама себе: «Я – всего лишь слабая девушка. Убить одного разбойничьего главаря [для меня] довольно!» Вслед за чем перерезала себе горло. Цзычэн услышал – изумился, приказал положить в гроб и похоронить ее.

Литература

Бокщанин, А. А. 1968. *Китай и страны Южных морей в XIV и XV вв.* М.: ГРВЛ.

Доронин, Б. Г.

1974. Официальная историография и крестьянская война 1627–1646 гг. в Китае. *Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае:* сб. ст. М.: ГРВЛ.

2002. *Историография императорского Китая XVII–XVIII вв.* СПб.: Филол. факультет СПбГУ.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 3. 2006. М.; Л.: Ин-т Дальнего Востока; Вост. лит-ра.

Из книг мудрецов. Проза Древнего Китая / сост., вступ. ст., ст. об авт. и коммент. И. С. Лисевич. 1987. М.: Худ. лит-ра.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. 2016. Т. V. М.: Наука; Вост. лит-ра.

⁴⁴ Перевод отрывка выполнен по изданию: Мин ши 1958: 29500/1308–29501/1309.

Кравцова, М. Е. 1992. Жизнеописание «ле чжуань» – художественная история или историческая проза? *Петербургское востоковедение*. Вып. 1. СПб.: Петербургское Востоковедение.

Переломов, Л. С. 1998. *Конфуций. Луньюй*. М.: Вост. лит-ра.

Рифтин, Б. Л. 1961. *Сказание о великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре*. М.: Изд-во вост. лит-ры.

Фишман, О. Л. 1980. *Три китайских новеллиста XVII–XVIII вв. (Пу Сунлин, Ци Юнь, Юань Мэй)*. М.

Храповицкий, М. 1857. События в Пекине при падении Минской династии (1644 г. по Р. Х.). *Труды членов Российской духовной миссии в Пекине*: в 4 т. Т. 3. СПб.

Хейзинга, Й. 2011. *Осень Средневековья* / сост., пер. и предисл. Д. В. Сильвестрова, комм. Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.

Чернышев, А. И. 1981. Взятие Ли Цзычэном Пекина. *23-я научная конференция «Общество и государство в Китае»*. М.

Шкуркин, П. В.

1922. *Легенды в истории Китая*. Харбин.

2019. *Легенды Древнего Китая*. М.: Престиж Бук.

Юань Кэ. 1965. *Мифы древнего Китая*. М.: Наука.

Yang Liansheng. 1953. *Selected Chinese Texts in the Classical and Colloquial Styles*. Cambridge, MA: Published for the Harvard-Yenching Institute, Harvard University Press.

На китайском языке:

А Ин. 1955. *Ли Чуан-ван (Ли – князь Стремительный)*. Пекин: Цзоцзя чубаньшэ.

Ли Сюйдун. 2015. Сяо гуши юй да лиши: Фэй гунжэнь гуши лючуань яньбянь таньси. *Чжунго шэхуй лиши тинлунь*. 16 цз. (Маленький эпизод и большая история: анализ распространения и эволюции повествования о дворцовой служанке Фэй. *Обзор социальной истории Китая*. Ч. 2). Тяньцзинь.

Лю Жоюй. 1982. *Мин гун ши (История Минских дворцов), Гао Шици Цзинь ао туйши бицзи (Записки во время приема пицци подле Золотой черепахи)*. Бэйцзин гуцзи чубаньшэ.

Мин ши (История [династии] Мин). 1958. Шанхай: Шаньу иньшугуань.

Цзю сяошо. Ци лю и Цин (Старые повести. Сб. 6, [ч.] 1, [эпоха] Цин). Б. г. Шанхай: Шанхай шаньу иньшугуань.